

Первый университетский курс российской истории во Франции*

Рец. на: Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, professeur à Strasbourg; suivie de la Constitution de l'empire de Russie / éd. présentée et commentée par R. Baudin, W. Berelowitch. – Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg, 2018. – 326 p.

Александр Лавров

Университет Сорбонна,
Париж, Франция

France's First University Course in Russian History

Rev. of: Baudin, R., Berelowitch, W. (Eds.). (2018). *Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, Professeur à Strasbourg: suivie de la Constitution de l'empire de Russie*. – Strasbourg, Presses universitaires de Strasbourg. – 326 p.

Aleksandr Lavrov

Sorbonne Universite,
Paris, France

Rodolphe Baudin and Wladimir Berelowitch have published a new source on the history of Russia in the eighteenth century, a course taught by Christophe Guillaume Koch at the University of Strasbourg between the 1770s and 1780s. Since there were Russians among Koch's students, this course is an example of cultural interaction: young Russians, who had a certain amount of knowledge about their country, were confronted with what their professor, who was well aware of the latest French and German publications on Russian history, told them about this topic. It is all the more important and interesting to draw attention to this publication, since lecture notes from Koch's courses made by his Russian students and manuscripts of his works will undoubtedly be found in Russian archives and libraries.

Keywords: Rossica, Russian Empire, University of Strasbourg, Enlightenment

* Citation: Lavrov, A. (2021). France's First University Course in Russian History. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 4. P. 1518–1526. DOI 10.15826/qr.2021.4.653.

Цитирование: Lavrov A. France's First University Course in Russian History // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 4. P. 1518–1526. DOI 10.15826/qr.2021.4.653 / Лавров А. Первый университетский курс российской истории во Франции // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1518–1526. DOI 10.15826/qr.2021.4.653.

Родольф Боден и Владимир Берелович ввели в научный оборот новый источник по истории России XVIII в. – университетский курс, прочитанный Кристофом Гийомом Кохом в Страсбургском университете в 1770–1780-х гг. Поскольку среди слушателей Коха были, а возможно, и преобладали российские студенты, этот курс оказывается примером культурного взаимодействия, во время которого молодые россияне, обладавшие определенной суммой знаний о своем Отечестве, оказывались конфронтированными с тем, что рассказывал им профессор, который был в курсе последних французских и немецких публикаций по российской истории. Привлечь внимание к этому изданию тем более важно и интересно, поскольку конспекты лекций Коха и рукописи его сочинений несомненно найдутся и в российских архивах.

Ключевые слова: россика, Российская империя, Страсбургский университет, Просвещение

Текст, научное издание которого подготовили Родольф Боден и Владимир Берелович, принадлежит к редкому и очень важному для исследователей историографии жанру – это университетский курс по истории России, который был прочитан в Страсбургском университете в 1770–1780-х гг.¹ Курс лекций Кристофа Гийома Коха (1737–1813) оказался в публичном пространстве, хотя и не был опубликован при жизни автора, и тем самым не смог повлиять на последующее историографическое развитие. Таким образом, он представляет собой как бы моментальную фотографию того, что было известно об истории России в конце XVIII в. и что считалось существенным для университетского курса. Книга привлекла внимание научной общественности в России и за рубежом, открыв новые страницы взаимодействия в образовании и политике двух стран [Gonneau; Искюль].

Особый интерес придает этому тексту фигура автора. Кристоф Гийом Кох, выросший во семье немецкоязычных протестантов, получил образование в Страсбургском университете. В 1779 г. ему было предложено профессорское место в Геттингене, но он предпочел ему родной Страсбург, в котором стал профессором в 1782 г. Во время Великой французской революции Кох становится депутатом Законодательного собрания от Нижнего Рейна (1791), во время террора его дважды арестовывают, в общей сложности он провел 11 месяцев в тюрьме (1793). Знания Коха были признаны в период консульства Наполеона: его привлекают как эксперта по германским делам к переговорам в Раштатте. На закате империи он становится членом Генеральной директории протестантского культа (1810).

К тому моменту, когда Кох занял кафедру в Страсбургском университете, там уже появились российские студенты (особенно привлека-

¹ Единственным аналогом здесь является курс лекций финско-шведского ученого Х. Г. Портана, прочитанный в Университете Або (Турку) [Портан].

ла их Дипломатическая школа, основанная в 1752 г., в которой Кох преподавал). В своем предисловии Родольф Боден указывает на причины, привлекавшие их в Страсбург, – двуязычие города, в котором лекционные курсы на немецком и французском языках сочетались с повседневной жизнью на французском и немецком, особенно хорошо знакомых студентам-остзейцам. Свою роль сыграло и желание сохранить связь с немецкой университетской традицией, прерванную в годы Семилетней войны. К этому прибавляются и личные связи – Иоганн Шумахер, так хорошо известный по биографии Ломоносова, был эльзасцем из Кольмара, поддерживавшим связи со Страсбургом.

Согласно датировке, предложенной соавторами, первая редакция университетского курса была доведена до 1775–1776 гг. и, возможно, прочитана именно в это время². Источники не дают оснований установить, были ли среди первых слушателей курса российские студенты. Зато судьба слушателя, для которого Кох повторил свой курс в 1786 г., князя Алексея Андреевича Голицына, достаточно хорошо известна. Вместе со своими братьями Михаилом и Борисом Голицыными он послан был в Grand tour по Европе, во время которого выбор места обучения пал на Страсбург. Со временем сначала Михаил, а затем и Борис были отозваны из Страсбурга, остался только Алексей Голицын – вполне возможно, что он был единственным слушателем, для которого и читался курс.

Диапазон источников и историографических текстов, которые были использованы Кохом, в значительной мере ограничивался его незнанием русского языка. При этом незнание это ни в коей мере не было полным – представляется, что Кох выучил алфавит и пришел к каким-то своим правилам в сфере транслитерации (в смысле правильности передачи русских фамилий и географических названий его текст представляет собой просто революцию по отношению к вольтеровским текстам). Понятно, что осуществить какие-то приращения к уже существовавшим курсам по истории России Кох мог только благодаря иностранным источникам. Среди последних были сочинения Сигизмунда Герберштейна, Петра Петрея и Филиппа Юхана фон Страленберга. Владимир Берелович справедливо отмечает здесь отсутствие ссылок на Адама Олеария. Неоднократно ссылается Кох и на «Sammlung russischer Geschichte» Герарда-Фридриха Миллера.

² Текст сочинения Коха сохранился в трех списках, хранящихся в Библиотеке Мазарини, в городской библиотеке Нанта и в Национальной университетской библиотеке Страсбурга. Рукописи из библиотеки Мазарини и из Нанта представляют первую редакцию, заканчивающуюся событиями 1774–1776 гг. Вторая редакция, сохранившаяся в страсбургской рукописи, доведена до основания Севастополя в 1784 г. Именно она и положена в основу издания, в то время как варианты подведены по рукописям первой редакции.

В приложении к сочинению Коха издано его сочинение «Состояние Российской империи» «Constitution de l'empire de Russie», которое представляет собой курс физической и политической географии, сохранившийся в отдельной рукописи городской библиотеки Нанта, работа над которой совпала с работой над первой редакцией курса.

Понятно, что вышедшие в 1783–1785 гг. сочинения Леклерка и Левека могли быть использованы Кохом только во второй редакции его сочинения. Но наибольшее влияние оказали на Коха труды Августа-Людвига Шлёцера. Кох был связан с Геттингенским университетом, где Шлёцер в 1771–1772 гг. начал преподавать курс российской истории (р. 207)³. Таким образом, мы вправе предполагать не только влияние опубликованных текстов Шлёцера, но и его лекций.

Учитывая объем и специфику курса Коха, наиболее интересными мы можем считать не эти приращения, а саму общую концепцию («большой нарратив») истории России. Как отмечает В. Берелович, общая периодизация истории России заимствована Кохом у Шлёцера. Историк делит русскую историю на пять периодов: 1) Россия рождающаяся (862–1015), 2) Россия разделенная (1015–1237), 3) Россия угнетенная (1237–1462), 4) Россия завоевывающая (1462–1613), 45) Россия цветущая («от Петра Великого до наших дней»).

Несмотря на полностью заимствованный характер периодизации, она является решающей для всего курса. Прежде всего в периодизации Коха присутствует татарское «иго» («joug») (с. 97), которое не только несколько раз эксплицитно названо, но даже получает точное хронологическое измерение – почти три века (260 лет в одной рукописи, 269 лет – в другой, р. 103). Этот «большой нарратив», который потом будет повторен в российской и советской историографии, обычно возводят либо к Хронике Яна Длугоша, либо к «Запискам о Московской войне» Рейнгольда Гейденштейна, ибо древнерусские источники, как известно, «татарского ига» не знают и о нем не говорят [Рудаков, с. 24, 30]⁴. Обращает на себя внимание и еще одна деталь – и московский, и петровский период оказываются у Коха маркированными одним и тем же эпитетом – «завоевывающая», тогда как Россия от 1725 до 1775 г. оказывается «процветающей», почти как у Ивана Кирилова. Напомним еще раз, что первая редакция курса отражает занятия Коха со своими воспитанниками около 1775 г., то есть после первого раздела Речи Посполитой, а вторая появилась после присоединения Крыма. Тем не менее, все это не заставляет Коха охарактеризовать последний незавершенный период как новую фазу территориального расширения империи.

В характеристике Киевской Руси Кох достаточно точен и опирается на один из летописных сводов, восходящих к «Повести временных лет», из которого ему, очевидно, делались переводы. Кох является норманистом, в подтверждение своих взглядов он цитирует «Бертинские анналы». Показательно, что Кох совершенно четко характеризует го-

³ Здесь и далее в тексте в круглых скобках указаны страницы рецензируемой монографии.

⁴ Согласно Чарльзу Гальперину, само словосочетание впервые появляется в восточнославянской письменной традиции только около 1665 г., в западнорусской редакции «Сказания о Мамаевом побоище», приписываемом Феodosию Сафоновичу [Halperin, p. 25]).

сударственное устройство Великого Новгорода как «республиканское» («sa forme républicaine») или как «разновидность республики» («une espèce de république») (р. 100, 101), причем его единственным источником здесь мог быть немецкий вариант статьи Герарда Фридриха Миллера.

Касаясь Московской Руси, историк, с особым вниманием относящийся к московским учреждениям, сталкивается с предсказуемыми трудностями (прежде всего терминологическими). По крайней мере дважды, применительно к 1598 и 1606 гг., Коху пришлось объяснить состав избирательного земского собора (или фикцию последнего). В первом случае он упомянул о «главах духовенства, боярах и дворянстве, собравшемся в Москве» («les chefs du clergé, les bojars et la noblesse assemblée à Moscou»), во втором пишет о решении «Сената и дворянства» («Le Sénat et la noblesse») (р. 112, 114). И то, и другое достаточно точно, особенно если учесть, что у историка не было никакого пособия, в котором это загадочное учреждение было бы объяснено. В качестве важнейших событий XVII в. Кох совершенно справедливо отмечает восстание под руководством Степана Разина, которого он называет «русским Катилиной» (с. 118), церковный раскол и отмену местничества. В последнем решении сыграло свою роль «собрание» («assemblée»), созванное царем, – это уже третье упоминание о Земском соборе в труде Коха (р. 120).

Переходя к современной России, Кох дает развернутую характеристику петровским реформам, тому периоду, который в историографии обычно характеризуется как время дворцовых переворотов, и царствованию Екатерины II.

К оценке петровского царствования Кох обращается несколько раз. Если в общем обзоре истории России он в основном останавливается на внешней политике, то в систематическом описании российских учреждений подробно пишет о Сенате, коллегиях и Синоде. В оценке петровских реформ Кох совершенно недвумысленен – именно Петр «ввел науки и искусства, привлек в страну иностранцев и послал молодых людей за границу, чтобы образовать их по примеру других народов» (р. 157). В. Берелович ставит вопрос о том, почему Кох не цитирует Вольтера, и ищет в тексте некоторые намеки на тексты Вольтера и Руссо. Автор иногда оказывается крайне близким к официальной российской версии – так, царевич Алексей оказывается у него «сторонником прежнего варварства, который не терпел иностранцев и восставал против всех нововведений царя» («partisan de l'ancienne barbarie, il détestoit les étrangers et s'érigeoit contre toutes les innovations du czar») (р. 128)⁵.

Интересно, что «цветущей» Россия становится только при преемниках Петра. Здесь Кох достаточно точно перечисляет все перипетии

⁵ Именно здесь Кох делает крайне интересную заметку о том, что судьба царевича Алексея привела к табуизированию самого слова «царевич», так что наследника стали называть «великий князь» (р. 167). Это сообщение кажется мне оригинальным, можно предположить, что что-то подобное Кох мог услышать от своих российских студентов.

престолонаследия, ни разу не запутавшись в генеалогическом древе Романовых и не ставя под сомнение легитимность ни одной из царствовавших персон⁶. Со свойственным ему интересом к истории учреждений Кох оказывается, по-моему, единственным иностранным писателем, правильно называющим учреждения, призванные императором и императрицами в руководстве империей, – Верховный тайный совет при Екатерине I и Петре II, Кабинет при Анне Иоанновне и Конференцию при Елизавете. Внимательное чтение завещания Екатерины I не позволило ему не заметить эфемерного (и почти сразу самораспустившегося) регентского совета, предусмотренного при вступлении Петра II на трон. Кох с интересом замечает практическую отмену смертной казни Елизаветой Петровной, связывая ее с обетом, данным в начале царствования. В целом Коху не свойственны ни противопоставление Петра его преемникам, ни представление о России до 1762 г. как находящейся в некотором застое и упадке, которые можно найти в официальной историографии екатерининского царствования.

Наиболее интересной является характеристика Екатерины II. Показательно, что историк начинает с ее слабой легитимности – он пишет, что принцесса, «не принадлежавшая... к императорскому дому», «овладела трон» (р. 140) (здесь, конечно, сказывалось влияние французской традиции, не допускавшей перехода власти к женским представительницам династии)⁷. Как уже было отмечено выше, внешняя политика Екатерины II не рассматривается как завоевательная – ни первый раздел Речи Посполитой, ни Кучук-Кайнарджийский мир, ни присоединение Крыма не заставили историка усомниться в его периодизации и предположить, что «завоевательная» фаза российской истории еще не закончена. В том, что касается первого раздела, Кох достаточно доверчиво ссылается на документы, которые должны свидетельствовать о том, что Россия признает целостность Речи Посполитой в ее новых границах. Именно здесь становится ясным, насколько условны некоторые «образы» России, которые мы иногда восстанавливаем, и уместно задать вопрос, насколько быстро последующие события могли изменить положительный образ императрицы.

Будучи человеком Просвещения, Кох никогда не забывает ни о своей протестантской идентичности, ни о том, что он является французским подданным. Он сочувственно цитирует критический отзыв Бурхарда Кристофа фон Миниха о русско-австрийском союзе 1726 г., согласно которому, по словам фельдмаршала, на десять случаев, когда этот союз окажется выгодным Габсбургам, придется только один случай, когда он окажется выгоден России (р. 132).

⁶ Примечательно, что при этом Кох достаточно ясно выражает пожелание о том, чтобы «для счастья России» когда-нибудь установлен был «постоянный и стабильный порядок престолонаследия» (р. 165).

⁷ При этом Кох не собирается провозгласить своих слушателей, безо всяких критических замечаний повторяя официальную версию о смерти Петра III от «сильных геморроидальных коллик» (р. 312).

Совершенно не случайно, что положительной оказывается характеристика Елизаветы Петровны, открывшей возможности для сближения России и Франции. Рассматривая польскую политику Екатерины II, Кох прежде всего подчеркивает покровительство императрицы «диссидентам», то есть в том числе и протестантам.

Здесь логичным кажется вопрос о том, какой образ Российской империи предлагает своим слушателям и читателям историк. Характеризуя общий подход Коха к русской истории, В. Берелович находит примечательным то, что понятия, употребляемые Кохом по отношению к русской истории, те же самые, что мы находим и в его курсах, посвященных другим странам, – это «варварство», «абсолютная монархия» и даже «gouvernement féodal», как он характеризует строй Древней Руси с XI по XV в. (кстати, в литературе распространено представление о том, что термин «феодализм» применительно к Древней Руси впервые применил Вольтер)⁸. При этом государственный строй допетровской России Кох прямо квалифицирует как «восточный деспотизм» – отметим этот ход, который позволяет автору искусно сочетать панегирические обороты в адрес Петра и его преемников, не ставя одновременно под сомнение тот образ Московии, который предстает в сочинениях западноевропейских путешественников в XVII в.

Конечно, можно было бы сказать, что, представляя Россию в качестве европейской державы, Кох считался с тем, что его курс адресован европейским студентам. Например, он вполне мог полагать, что его русские слушатели имеют об Иване Грозном иное мнение, нежели то, которое западный читатель мог почерпнуть в сочинениях Гваньини или Одеборна. Однако подобное предположение решительно опровергается текстом. В первой редакции курса, об аудитории которой мы не можем судить, характеристика Ивана Грозного была сравнительно мягкой: «Столь блестящее царствование имело и свою оборотную сторону. Из-за новшеств, которые ввел царь, против него создано несколько заговоров. Отсюда страшные казни, которые омрачили память этого государя и которые, вопреки его выдающимся качествам, заставляют отнести его к тиранам на страницах истории» (р. 111). Во второй редакции, среди слушателей которой заведомо был по крайней мере один российский студент – князь Голицын, характеристика Грозного становится гораздо более резкой, напоминающей некоторые более поздние подходы к личности царя: «Анархия, которая овладела государством во время его несовершеннолетия, обязала его в нежном возрасте прибегать к строгости и казням, чтобы внушить ужас. Отсюда приобрел он жесткость характера, которая в конце концов выродилась в кровавую и грубую жестокость. Та участь, которую он уготовил жителям Новгорода и Твери, а также знатным людям, которых он подозревал в измене, заставляет дрожать челове-

⁸ Ссылка при этом делается на «Опыт о нравах и духе народов», в котором Вольтер писал об утверждении феодального правления «от самых глубин Московии до Кастильских гор» [Voltaire, vol. 7, p. 479].

чество. Не счесть несчастных жертв, которые он принес в угоду своим подозрениям, ненависти и алчности, прибегая к самым ужасным казням и самым изощренным пыткам» (р. 111).

Рассуждая в рамках парадигмы «образа Другого», столь популярной в 1980–1990-е гг., можно было бы заключить, что этот текст, написанный в последние десятилетия старого порядка, представляет гораздо более положительный образ России, нежели многие (гораздо более известные) французские тексты, написанные в годы революции или в период империи. Подобный вывод не несправедлив, но поверхностен. Представляется, что лучше было бы не сопоставлять (или не противопоставлять) текст Коха публицистике, а отталкиваться от его жанра (университетский курс). Именно в силу своей жанровой специфики этот текст если и не был гарантирован от стереотипов и предвзятых оценок, то стремился к отказу от них, к некоей «наднациональной» точке зрения.

Вместе с тем, можно было бы сделать и некоторые критические замечания. Во-первых, представляется, что исследователи могли бы больше обращать внимания на ошибки Коха, которые являются хорошими индикаторами общего уровня исторических знаний в его время. Так, Кох запутался с местом крещения князя Владимира, определив его как Кафу (Феодосию), а не Херсонес (р. 93). Можно полагать, что источником этой ошибки была произвольная ономастическая политика Екатерины – так, основанный в 1778 г. Херсон находился очень далеко от античного Херсонеса. Ошибся Кох и в происхождении Григория Отрепьева, фактически приписав ему украинские корни – на самом деле семья Отрепьева происходила не из Галича Волынского, но из Галича Костромского (р. 112).

Во-вторых, гораздо большего внимания заслуживают параллельные места между курсом и «Состоянием Российской империи» («*Constitution de l'Empire de Russie*», р. 247–318), показывающие, что к моменту работы над первым Кох в значительной мере уточнил и скорректировал свои сведения. Приведем только один пример. В «Состоянии Российской империи» повторена официальная версия о ненасильственной смерти царевича Алексея Петровича под воздействием известия о приговоре (с. 300). В курсе лекций Кох утверждает, что с царевичем либо случился под влиянием побоев «апоплексический удар», либо он был обезглавлен по тайному приказу отца (р. 129). Несмотря на эти замечания, следует признать, что Р. Бодену и В. Береловичу удалось ввести в научный оборот ценный источник, представляющий собой практически не изученный жанр – лекционные курсы по истории России в XVIII в.

Список литературы

Искюль С. Н. Рецензия на монографию: [Koch Ch.-W.] Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, professeur à Strasbourg, suivie de la Constitution de l'Empire de Russie / Edition présentée et commentée par Rodolphe Baudin et Wladimir Berelowitch. Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg. 2018. 326 p. // Петерб. ист. журн. 2020. № 1 (25). С. 316–320. DOI 10.24411/2311-603X-2020-00023.

Портан Х. Г. Основные черты русской истории : Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII веке / пер. со швед. Е. А. Мельниковой ; вступ. ст. и общ. ред. Г. А. Некрасова. М. : Ин-т истории СССР, 1982. 124 с.

Рудаков В. Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI веков // Вестн. МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 24–32. DOI 10.24833/2071-8160-2012-4-25-24-32.

Gonneau P. Histoire de Russie, avec sa partie politique, suivie de la Constitution de l'empire de Russie by Christophe-Guillaume Koch, Rodolphe Baudin, Wladimir Berelowitch // *Rev. des études slaves*. Vol. 90. 2019. № 3. P. 462–464. DOI 10.4000/res.3162.

Halperin Ch. The Tatar Yoke and Tatar Oppression // *Russia Mediaevalis*. Vol. 5. 1984. № 1. P. 20–39.

Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, professeur à Strasbourg; suivie de la Constitution de l'empire de Russie / éd. présentée et commentée par R. Baudin, W. Berelowitch. Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg, 2018. 326 p.

Voltaire. Œuvres complètes : 70 Vols. [Kehl] : Société Littéraire-Typographique, 1785. Vol. 17. [2], 569 p.

References

Baudin, R., Berelowitch, W. (Eds.). (2018). *Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, Professeur à Strasbourg: suivie de la Constitution de l'empire de Russie*. Strasbourg, Presses universitaires de Strasbourg. 326 p.

Gonneau, P. (2019). Histoire de Russie, avec sa partie politique, suivie de la Constitution de l'empire de Russie by Christophe-Guillaume Koch, Rodolphe Baudin, Wladimir Berelowitch. In *Revue des études slaves*. Vol. 90. No. 3, pp. 462–464. DOI 10.4000/res.3162.

Halperin, Ch. (1984). The Tatar Yoke and Tatar Oppression. In *Russia Mediaevalis*. Vol. 5. No. 1, pp. 20–39.

Iskyul', S. N. (2020). Review of: [Koch Ch.-W.] Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, professeur à Strasbourg, suivie de la Constitution de l'Empire de Russie / Edition présentée et commentée par Rodolphe Baudin et Wladimir Berelowitch. Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg. 2018. 326 p. In *Petersburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 1 (25), pp. 316–320. DOI 10.24411/2311-603X-2020-00023.

Portan, Kh. G. (1982). *Osnovnye cherty russkoi istorii. Pervyi universitetskii kurs istorii Rossii za rubezhom v XVIII veke* [The Main Features of Russian History: The First University Course in Russian History Abroad in the 18th Century] / transl. by E. A. Mel'nikova, introd. and ed. by G. A. Nekrasov. Moscow, Institut istorii SSSR. 124 p.

Rudakov, V. N. (2012). Kontseptsiya ordynskogo "iga" i otnosheniya s ordoi v russkom obshchestvennom soznanii vtoroi poloviny XIII – XVI vekov [The Conception of the Tatar "Yoke" and Relations with the Golden Horde in Russian Public Consciousness from the Second Half of the 13th to the 16th Centuries]. In *Vestnik MGIMO*. No. 4 (25), pp. 24–32. DOI 10.24833/2071-8160-2012-4-25-24-32.

Voltaire. (1785). *Œuvres complètes. 70 Vols.* [Kehl], Société Littéraire-Typographique. Vol. 17. [2], 569 p.

The article was submitted on 19.01.2021